

С. А. СЕМЯЧКО

Круг агиографических памятников, посвященных Анне Кашинской

I. Сказание об обретении и перенесении мощей

Весьма драматичная история канонизации Анны Кашинской достаточно хорошо известна, ей посвящена обширная литература.¹ Позволю себе коротко напомнить, что же произошло в XVII в.

Мощи Анны Кашинской были открыты в 1649 г., в 1650 г. мощи были перенесены в присутствии царя Алексея Михайловича и при его непосредственном участии из полуразвалившейся Успенской церкви в кашинский Воскресенский собор, и было установлено празднование. В 1677 г., уже при царе Федоре Алексеевиче и при патриархе Иоакиме (Савелове), состоялись сначала следствие, а потом и собор, на котором был рассмотрен вопрос о житии и мощах Анны Кашинской. Вслед за этим в 1678—1679 гг. состоялся еще один собор, на котором празднование Анне Кашинской было отменено, а инициаторы прославления святой были сурово наказаны.

Основным аргументом следственной комиссии в пользу отмены празднования Анне Кашинской была недостоверность ее «жития». Говоря о «житии», комиссия имела в виду агиографический цикл, включающий в себя собственно житие, повесть о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму, статью об обретении мощей, слово на перенесение мощей, повесть о чудесах и сами чудеса (в распоряжении комиссии была рукопись, хранящаяся ныне в ГИМ — Синодальное собр., № 622). К этому же циклу обращались и исследователи. Однако существует еще один текст, предшествовавший циклу, не фигурировавший на следствии и оставшийся практически неизвестным исследователям. Это памятник, озаглавленный в рукописи «Обрѣтение и пренесение честныхъ мощей новоявленной великия княгини иноки Анны, иже бѣ во градѣ Кашинѣ явльшейся, вкупѣ же от малѣйшия части и похвала святѣй» (далее: Сказание об обретении и перенесении мощей). Текст этот известен в единственном списке XVII в., в рукописи БАН, П.1.А.30 (старый шифр: 31.6.34). Он был опубликован в начале XX в.² и после того всеми забыт. Прежде чем ставить вопрос о времени написания и авторе известного агиографического цикла, целесообразно рассмотреть Сказание об обретении и перенесении мощей, сопоставив его с материалами следственного дела.³

¹ Обзор основной литературы см. в статье: Белоброва О. А. Житие Анны Кашинской // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 1. С. 330—331.

² По аким, иеромонах. Житие святой благоверной княгини Анны Кашинской (по рукописи XVII в. из библиотеки Императорской Академии Наук № 31.6.34). М., 1909.

³ Материалы собора 1677 г. мы приводим по рукописи: РНБ, собр. Погодина, № 1608, принадлежавшей одному из участников этого собора архимандриту Чудова монастыря Павлу. Эти материалы неоднократно публиковались. Издание по указанной рукописи см., напр.: Труды

Автор Сказания об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской обнаруживает явное литературное мастерство. Текст Сказания имеет строгую трехчастную композицию: 1) ритмически организованное, построенное на цитате из Священного Писания вступление, 2) основная часть — красочный и живой рассказ об обретении и перенесении мощей и 3) исполненная чувства похвала святой, организующим стилистическим принципом которой является анафора.

Раннее происхождение этого памятника явствует из его текста. Вот как начинается основная часть Сказания: «Сия убо блаженная великая княгиня инока Анна родися от благочестиву и велику родителю, глаголют же, яко от великих князей тверскихъ произыти ей. Рождышао ея и рождышиа, и супруга, и самая мирскаго звания *не вѣмы*, угаи бо ся и замедлѣ от многих лѣтъ, и писания сему *не обрѣтеса*, но токмо снайдеса иноческое имя ея, яко великая княгиня инока Анна. И живши ей нѣколко лѣтъ, и восхотѣ взяти на ся яремь Христовъ и послѣдовати ему, и облечеса во иноческое одѣяние. И *не вѣмы же*, в коей обители сущи и в коемъ граде...».⁴ Все это полностью согласуется с тем, что говорил на допросе один из наиболее активных инициаторов прославления Анны Кашинской дьякон Никифор.⁵ «А житие ея слогаи и писал Соловецкаго монастыря старец Игнатей, по велѣнию того ж монастыря уставщика старца Никодима, по ево, Никифорову, челобитью, для того что приезжают, де, во град Кашин ко гробу благовѣрные великие княгини Анны многие богомолцы, а жития ея у них в Кашине нѣтъ и показать нечѣго. А сказывал ему житие ея он, Никифор, про што вѣдал и слышал. А он, де, сыскал и у себя в Степенной книге, что она благовѣрного великого князя Михаила Тверскаго супружница великая княгиня Анна»⁶ Т е Никифор утверждает, будто голько в Соловецком монастыре он выяснил, что Анной звали жену великого князя Михаила Ярославича Тверского. Благодаря Сказанию об обретении и перенесении мощей видно, что Никифор не солгал, говоря, что поначалу, кроме имени святой, ничего о ней известно не было. Неудивительно, что Сказание об обретении и перенесении мощей возникает до жития: для создания жития нет никаких сведений, дающих хотя бы малейшую зацепку, в то время как непосредственное участие царя в церемонии перенесения мощей предоставляет прекрасный материал для Сказания. На Соловках Никифор был в 1652 г.⁷ Совершенно очевидно, что Сказание об обретении и перенесении мощей было создано до 1652 г. Скорее всего, написано оно было вскоре после перенесения мощей Анны Кашинской, состоявшегося 12 июня 1650 г.⁸

второго областного Тверского археологического съезда Тверь 1903 С 110—126 ЧОИДР М 1905 Кн 3 С 53—67, по рукописи из собрания В М Ундольского ЧОИДР М, 1871 Кн 4 Отд 1 С 45—62

⁴ БАН, П I А 30 л 232 об Все цитаты из Сказания приводятся по рукописи поскольку в издании ряд чтений передан с ошибками

⁵ Инициаторами прославления Анны Кашинской была семья кашинских священнослужителей «В Кашинѣ городе старец Варлаамъ что был в мирѣ в Кашине в соборной церкви Успения пресвятыя Богородицы попь Василей сказал по евангелской заповѣди Господни вправду служил де, онъ в той соборной церкви лѣтъ с тритцать а отецъ ево Варлаамовъ попь Василей же у тое ж церкви служил преж ево лѣт с пятьдесятъ, а нынѣ де, у тое церкви служит сынъ ево Варлаамовъ попь Василей же» (РНБ собр Погодина, № 1608, л 9 об—10) Никифор также был сыном Василия-Варлаама

⁶ РНБ собр Погодина, № 1608 л 16—16 об

⁷ «А вынес, де он Никифор то житие с собою ис Соловецкаго монастыря в то время какъ переносили мощи Филипа митрополита ис того Соловецкаго монастыря в царствующий град Москву» (РНБ собр Погодина № 1608 л 16 об—17) Процессия с мощами прибыла в Москву 9 июля 1652 г

⁸ Дворцовые разряды СПб 1852 Т 3 (с 1645 по 1676 г.) Стб 178 См также БАН П I А 30 л 238

Автор Сказания об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской обнаруживает явное литературное мастерство. Текст Сказания имеет строгую трехчастную композицию: 1) ритмически организованное, построенное на цитате из Священного Писания вступление, 2) основная часть — красочный и живой рассказ об обретении и перенесении мощей и 3) исполненная чувства похвала святой, организующим стилистическим принципом которой является анафора.

Раннее происхождение этого памятника явствует из его текста. Вот как начинается основная часть Сказания: «Сия убо блаженная великая княгиня инока Анна родися от благочестиву и велику родителю, глаголют же, яко от великихъ князей тверскихъ произыти ей. Рождшаго ея и рождшаго, и супруга, и самыя мирскаго званя *не вѣмы*, утай бо ся и замедлѣ от многихъ лѣтъ, и писаня *сему не обрѣтесе*, но токмо снайдесе иноческое имя ея, яко великая княгиня инока Анна. И живши сѣ нѣколько лѣтъ, и восхотѣ взяти на ся яремь Христовъ и послѣдовати ему, и облечесе во иноческое одѣяние. И *не вѣмы же*, в коей обители сущи и в коемъ граде...».⁴ Все это полностью согласуется с тем, что говорил на допросе один из наиболее активных инициаторов прославления Анны Кашинской дьякон Никифор:⁵ «А житие ея слогаи и писал Соловецкаго монастыря старец Игнатей, по велѣнию того ж монастыря уставщика старца Никодима, по ево, Никифорову, челобитью, для того что приезжают, де, во град Кашин ко гробу благовѣрные великие княгини Анны многие богомолцы, а жития ея у них в Кашине нѣтъ и показать нечѣго. А сказывал ему житие ея он, Никифор, про што вѣдал и слышал. А он, де, сыскал и у себя в Степенной книге, что она благовѣрного великого князя Михаила Тверскаго супружница великая княгиня Анна».⁶ Т. е. Никифор утверждает, будто голько в Соловецком монастыре он выяснил, что Анной звали жену великого князя Михаила Ярославича Тверского. Благодаря Сказанию об обретении и перенесении мощей видно, что Никифор не солгал, говоря, что поначалу, кроме имени святой, ничего о ней известно не было. Неудивительно, что Сказание об обретении и перенесении мощей возникает до жития: для создания жития нет никаких сведений, дающих хотя бы малейшую зацепку, в то время как непосредственное участие царя в церемонии перенесения мощей предоставляет прекрасный материал для Сказания. На Соловках Никифор был в 1652 г.⁷ Совершенно очевидно, что Сказание об обретении и перенесении мощей было создано до 1652 г. Скорее всего, написано оно было вскоре после перенесения мощей Анны Кашинской, состоявшегося 12 июня 1650 г.⁸

второго областного Тверского археологического съезда Тверь, 1903 С 110—126, ЧОИДР М., 1905 Кн 3 С 53—67, по рукописи из собрания В М Ундольского. ЧОИДР М., 1871. Кн 4 Стд 1 С. 45—62

⁴ БАН, П I А 30, л 232 об Все цитаты из Сказания приводятся по рукописи, поскольку в издании ряд чтений передан с ошибками.

⁵ Инициаторами прославления Анны Кашинской была семья кашинских священнослужителей «В Кашинѣ городе старецъ Варлаамъ, что был в мирѣ в Кашине в соборной церкви Успения пресвятыя Богородицы попь Василей, сказал по евангелской заповѣди Господни вправду, служил де, онъ в той соборной церкви лѣтъ с тритцать, а отецъ ево, Варламовъ, попь Василей же, у тое ж церкви служил преж ево лѣтъ с пятьдесятъ, а нынѣ, де, у тое церкви служит сынъ ево, Варламовъ, попь Василей же» (РНБ, собр. Погодина, № 1608, л 9 об—10) Никифор также был сыном Василя-Варлаама

⁶ РНБ, собр Погодина, № 1608, л 16—16 об

⁷ «А вынес, де, он, Никифор, то житие с собою ис Соловецкаго монастыря в то время, какъ переносили мощи Филипа митрополита ис того Соловецкаго монастыря в царствующий град Москву» (РНБ, собр Погодина, № 1608, л 16 об—17) Процессия с мощами прибыла в Москву 9 июля 1652 г

⁸ Дворцовые разряды СПб., 1852 Т 3 (с 1645 по 1676 г.) Стб 178 См также БАН П I А 30, л 238

Из текста Сказания можно извлечь и некоторые данные о его авторе. Он хорошо осведомлен в том, что происходило в Кашине во время приезда туда царя Алексея Михайловича. Но о кашинских событиях, предшествующих приезду государя, автор знает понаслышке. Вот как описано в Сказании явление гроба Анны Кашинской: «Глаголют же нѣщци, живуужи (так! — С С.) человецы во градъ Кашинѣ, и еще инии, нивесма в далекости жителство имѣющи от Кашина града, яко же честная обитель преподобнаго отца нашего Макария Калязиньскаго чудотворца, того маностыря сказуютъ мниси, яко не абие гробъ святыя из земли изыде, но косно и медленно идяше и человеком видим бываше, яко сокровище драго, казашеся, но из давныхъ убо лѣтъ от земную боку вполы бѣ». ⁹ Ссылка на кашинских жителей в устах кашинца была бы нелепа. И в то же время автор подробно описывает, как в Москве стало известно о чудесах от гроба Анны Кашинской, как была отправлена в Кашин комиссия, как царь и патриарх получили из Кашина «епистолии», как эти послания были прочтены и как, наконец, царь со своими ближними отправился на поклонение новоявленной святой. Все это позволяет с большой долей уверенности предположить, что Сказание об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской — это произведение московского автора, который сопровождал царя Алексея Михайловича в его поездке в Кашин. И создан этот текст был, вероятнее всего, вскоре после описываемых событий, в том же 1650 г.

Сборник, в котором находится исследуемый памятник, кроме него содержит жития преподобной Феодоры Александрийской первомученицы Феклы, преподобной Евфросинии Суздальской, великомученицы Екатерины, Евфросинии Александрийской, преподобной Евдокии, мученицы Ирины и преподобной Евпраксии. Издатель этого памятника иеромонах Иоаким высказывает такое предположение: «Судя по красивому письму и переплету, а также и главным образом потому, что содержанием сборника являются жития святых, соименных членам царской семьи половины XVII века, можно предполагать о происхождении последнего из царской библиотеки, — он мог быть на женской половине дворца». ¹⁰ Иеромонах Иоаким даже допускает, что украшать сборник могла царевна Ирина Михайловна.

Предположение Иоакима о том, что сборник принадлежал женской части царской семьи, не кажется мне безосновательным. Более того, вполне вероятно, что Сказание об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской было написано специально для царских сестер, участниц поездки в Кашин. Об этом свидетельствует фрагмент, в котором описан состав царской свиты, причем сестры царя названы иносказательно, в то время как все остальные поименованы впрямую: «...и подвижеса из своего царьскаго пребывания из царьсвующаго града Москвы, и с своею благовѣрною и христоробивою царицею и великою княгинею Мариєю Иличною, и с своими единоутробными тремя сестрами, с благовѣрными царевнами и великими княжнами, единой убо звание мирь толкуется, вторѣй же — благодать, третей же — повелителница, и с своею царьскою дщерию, с благородною царевною и великою княжною Евдокѣю, и со всѣмъ своимъ царьскимъ синклитомъ, и с прочими людьми двора своего царьска. Еще же бысть с нимъ, самодержцем, и от святителскаго чина митрополитъ града Ростова и Ерославля, емуже звание Варламъ, и от прочаго священнаго чина архимарити и игумени». ¹¹

⁹ БАН, П I А 30, л. 234—234 об.

¹⁰ Иоаким, иеромонах. Житие святой благоверной княгини Анны Кашинской С. 1

¹¹ БАН, П I А 30, л. 236. Имена царских сестер — Ирина, Анна, Татьяна

Таким образом, можно заключить, что перед нами наиболее ранний (если не считать записи некоторых чудес) из всех известных нелитургических текстов, посвященных Анне Кашинской. Поэтому интересно сопоставить данные этого Сказания с тем, что сообщили на следствии почти два десятилетия спустя Василий-Варлаам и его сыновья Василий и Никифор.

Уже одно совпадение этого раннего текста и показаний Никифора в утверждении, что о новоявленной святой ничего не было известно, кроме ее имени и княжеского достоинства, не позволяет считать слова Никифора «баснями» и полностью их игнорировать.¹²

Одним из наиболее принципиальных моментов для решения вопроса о характере почитания Анны Кашинской была сохранность ее мощей. Вот как говорится об этом в Соборном определении: «В житии в трех мѣстех написано: мощи никакоже тлѣнию причастны. А по осмотру¹³ и свидѣтельству преосвященнаго Иосифа, митрополита рязанского и муромскаго, и преосвященнаго Симеона, архиепископа тферскаго и кашинскаго, и архимандрита и протопopa мощи в разных мѣстех истлѣша и разрушишася».¹⁴ И далее: «В житии в двохъ мѣстех написано: тлѣнию не токмо мощи, но и ризы непричастны быша. А по дoсмoтpу нѣнѣшнему архиерейскому, ризы, во что была skutana, и схи́ма истлѣли, толко во остатке части креста, что был вышитъ на куколѣ шолкомѣ, да часть плетей схимнических, и то истлѣло же, лежить на персехъ толко знакъ, а принятися не мощно. А на бедрахъ свивалникъ, какъ пояс, да нить лежать истлѣли, принятися не мощно. Калиги обѣ по швамъ распоролися, а кожа не развалишася, а истлѣла».¹⁵

Напомним, что, говоря о «житии», комиссия имела в виду тексты агнографического цикла, входящего в состав рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 622. Житие же писалось, как утверждал Никифор, «по своему разуму, и Степенной книги, и по его, Никифоровым, словам».¹⁶ Т. е. опять возникает проблема правдивости Никифора, вне зависимости от того, было ли это «житие» написано самим Никифором, как полагали некоторые исследователи,¹⁷ или писалось с его слов. Комиссия утверждала, что Никифору верить нельзя. Однако в материалах следствия есть также показания попа Василия младшего об освидетельствовании мощей 1649 г.: «А тѣло, де, ея, благовѣрныя княгини, нетлѣнно, токмо тлѣнием разрушилсѣ нос да пласна у ноги, а у которые, того не упомнит. А при том, де, свидѣтельствъ он, поп Василей, был самъ, будучи дьячком»,¹⁸ — и его отца Василия-Варлаама: «И преосвященны, де, Иона архиепископъ с архимандритом и с игуменомъ гроб открывали и мощей досматривали. А онъ, де, старецъ Варлаамъ, был тут же и видел, что мощи благовѣрныя великие княгини Анны нетлѣнны, токмо тлѣнию предалася часть малая носа да у ног плеснѣ (а у обѣих ли или у одной ноги, и он того не помнит)».¹⁹ Если мы обратимся к более раннему Сказанию, то увидим, что оно вполне согласно с оспариваемым «житием» и показаниями Василия и Варлаама: «...мощи ея цѣлы и нетлѣнны обрѣтошася, токмо малы части взяты быша землею, свойствено убо есть земли еже своя взимати. Прочая же уды ея, яко бисерие драгое, в земли пребыша цѣлы и нетлѣнны, и не токмо же едины мощи не истлѣша, но и

¹² При выяснении истории создания жития Анны Кашинской во время следствия решающей стала фраза, закрепленная Соборным определением « а его, Никифоровымъ, баснемъ вѣрити нѣчему» (РНБ, собр. Погодина, № 1608, л. 4 об.)

¹³ Имеется в виду осмотр, проводившийся перед собором 1677 г.

¹⁴ РНБ, собр. Погодина, № 1608, л. 3 об.

¹⁵ Там же, л. 4.

¹⁶ Там же, л. 16 об.

¹⁷ См. об этом Белоброва О. А. Житие Анны Кашинской С. 330.

¹⁸ РНБ, собр. Погодина, № 1608, л. 9 об.

¹⁹ Там же т. 13 об.

одѣяние иноческое, в няже оболчена и положена бысть, цѣло же и не истлѣ, всѣмъ зримо и видимо, и совершенное покрытие грѣховъ всѣмъ человеком, еже есть схи́ма, цѣла же и неразуши́ма».²⁰

Несмотря на то что Сказание дает нам очень общее, этикетное описание мощей и одѣяния, все же оно недвусмысленно говорит об их целостности. Можно предположить, что мощи и одѣяние пострадали в результате разгерметизации гроба и комиссия 1677 г. видела далеко не то, что видели кашинские священнослужители и автор Сказания в 1649—1650 гг.

Большую проблему для официальной церкви в 70-е гг., в разгар борьбы со старообрядцами, представляло чудо с правой рукой Анны Кашинской. Не случайно следственная комиссия уделила этому вопросу особое внимание. Вот как это отражено в материалах следственного дела. Читаем в Соборном определении: «По скаске попа Василиа и отца его старца Варлама написано: рука правая лежит на персехъ согбенна, яко благословящая. А по нынешнему архиерейскому досмотру, правая рука в завитии погнулася, а длань и персты прямо, а не благословящими. <...> В допросныхъ рѣчахъ попа Василиа написано: андроньевской архимандритъ Силвестръ, взявъ благовѣрныя княгини руку, распростиралъ персты ея и паки сгибалъ. А старецъ Варламъ, отецъ его, сказал: архимандритъ, де, Силверстръ княгини Анны руки персты разгибалъ, а какъ отпустилъ, и они такожде согбенны учинилися по-прежнему. И то свидѣтельство и досмотръ на Москвѣ не сысканъ. А нынешняго 185-го году в досмотрѣ архиереевъ написано: согнути длани и перстовъ или разгнути ни у которыя руки невозможно для того, что задохли накрѣпко, толко кости сухия, да к нимъ присохла кожа».²¹ Соборное определение в первом случае пересказывает один из наиболее ярких и живых эпизодов, зафиксированных в материалах следственного дела. Рассказал о нем поп Василий младший: «А как, де, в прошлом, во 157-м году <...> свидѣтельствовали мощи благовѣрной великие княгини Анны преосвященной Иона архиепископъ тверской и кашинский, да Андрониева монастыря архимандрит Селивестръ, да Данилова монастыря, что за Москвою рекою, игумен Иоан, и при том, де, свидѣтельствъ мощей ея осматривали, а при осмотре, де, преосвященному архиепископу Ионе андрониевскому²² архимандритъ Селивестръ говорилъ, чтобъ свидѣтельствовать поподлиннѣе, со испытывством, было б, де, что объявить великому государю. И взял, де, он, архимандрит Селивестръ, ея, благовѣрные княгини, руку и простиралъ персты ея и паки згибалъ. <...> И как, де, благовѣрные княгини руку архимандрит осязал, то он неподалеку видел».²³ Отец попа Василия старец Варлаам описывает эту ситуацию несколько иначе: «А рука, де, правая лежит на персехъ согбенна яко благословящая. И андрониевской архимандрит Селивестръ тое руки персты розгибалъ, а какъ отпустилъ, и онѣ такожде согбенны учинились по-прежнему».²⁴

Этот вопрос был настолько принципиален, что именно приведенные показания Василия-Варлаама, его свидетельство о чуде с десницей новоявленной святой и послужили непосредственным поводом для его сурового наказания.²⁵

²⁰ БАН П I А 30 л 233 об

²¹ РНБ, собр Погодина, № 1608, л 3 об —4

²² Описка в тексте, должно быть «андрониевской»

²³ РНБ собр Погодина, № 1608, л 8 об —9

²⁴ Там же, л 13 об —14

²⁵ «Отцу же попа Василия старцу Варламу за лживыя же его повѣствованія и яко при архимандритѣ Селивестрѣ разгбенныя персты сами согнулись по прежнему судихомъ въ немъ же монастыри живеть неисходну быти ему оттуду до смерти его и о грѣсѣхъ своихъ ему каются а о лживыхъ своихъ реченіяхъ исповѣдаться и прошения у архиерея тоя епархїи просити» Соборное определение 1678 г цитируем по публикации в статье Колосов В И Благоверная княгиня Анна Кашинская // Тр второго областного Тверского археологического съезда Тверь, 1903 С 106

Руки Анны Кашинской описаны и в раннем Сказании об обретении и перенесении мощей: «Еще же рещи чюдо дивно и преславно, яко у живы сущи десница ея, преподобная, стоитъ прямо во гробѣ, опершися лактемъ во дно гроба. Лъвица же по обычаю пребываетъ на персѣхъ».²⁶ Т. е. Сказание отмечает лишь необычное положение правой руки, ни слова не говоря о том, что это рука благословляющая. О благословении не говорится и в известном агиографическом цикле. Таким образом, это утверждение содержится лишь в показаниях кашинского священника, зафиксированных в материалах следствия. Вопрос, что явилось источником подобного утверждения, требует специального рассмотрения.

Сказание об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской, написанное некашинцем, в большинстве случаев, как показало проведенное сопоставление, совпадает с показаниями кашинских священнослужителей Василия-Варлаама и его сыновей Василия и Никифора во время следствия 1677 г., некоторые разногласия есть лишь в описании десницы святой. И потому у нас нет оснований полностью принимать на веру результаты, к которым пришла следственная комиссия, и игнорировать показания кашинских священников. Следует заново поставить вопрос об авторах и времени создания агиографического цикла, что и будет материалом следующих статей.

²⁶ БАН, П.І.А.30, л. 234.